

Назаров Иван Александрович, Костикина Алина Аркадьевна

АНТРОПОНИМ КАК ЭЛЕМЕНТ ОБРАЗА БЕЗУМЦА В РОМАНЕ АНДРЕЯ БЕЛОГО "МОСКВА"

Статья посвящена одному из основополагающих мотивов творчества Андрея Белого - мотиву безумия. В статье рассматривается своеобразие авторской интерпретации темы безумия в антропониме "Иван Иванович Коробкин" в романе А. Белого "Москва" и репрезентации образа сумасшедшего дома в социально-философском аспекте.

Категория имени в романе А. Белого - значимый элемент, который позволяет более детально раскрыть образ героя-безумца, что отражено на различных уровнях мотивной структуры и образной системы произведения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/5-1/3.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 5(59): в 3-х ч. Ч. 1. С. 18-20. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

SATIRE AND HUMOUR IN BIBERD ZHURTOV'S CREATIVE WORK

Dzagashtov Azamat Musarbievich*Russian Television and Radio Broadcasting Company Radio Rossiya "Kabardino-Balkaria", Nalchik
dzagashtov87@yandex.ru*

The article examines the laughing creative work of the Kabardinian humourist and satirist writer Biberd Zhurtov. The study focuses not only on the comic elements of the literary works but also on the spiritual and moral-esthetical aspects of B. Zhurtov's satirical and humorous prose. The paper for the first time presents the comprehensive study of satire and humour in the writer's creative work on the whole.

Key words and phrases: satire; humour; comic element; comedialogy; laughing culture; humorous story; laughing techniques.

УДК 821.161.1

Статья посвящена одному из основополагающих мотивов творчества Андрея Белого – мотиву безумия. В статье рассматривается своеобразие авторской интерпретации темы безумия в антропониме «Иван Иванович Коробкин» в романе А. Белого «Москва» и репрезентации образа сумасшедшего дома в социально-философском аспекте. Категория имени в романе А. Белого – значимый элемент, который позволяет более детально раскрыть образ героя-безумца, что отражено на различных уровнях мотивной структуры и образной системы произведения.

Ключевые слова и фразы: антропоним; категория имени; феномен безумия; образ сумасшедшего дома; творческий мотив.

Назаров Иван Александрович, к. филол. н.*«Музей М. А. Булгакова» ГБУК г. Москвы
nazarov.postbox@gmail.com***Костикина Алина Аркадьевна***Московский институт телевидения и радиовещания «Останкино»
kostikina-aa@yandex.ru***АНТРОПОНИМ КАК ЭЛЕМЕНТ ОБРАЗА БЕЗУМЦА В РОМАНЕ АНДРЕЯ БЕЛОГО «МОСКВА»**

В отечественной литературе 1920-1930-х годов особое значение приобретают различные аспекты феномена безумия: философское осмысление темы сумасшествия, пограничные состояния психики, образы безумца и сумасшедшего дома, тема лечения душевнобольных нашли отражение в творчестве А. Т. Аверченко («Шутка мецената» (1923)), М. А. Булгакова («Красная корона» (1922)), В. Я. Шишкова («Угрюм-река» (1932)), К. К. Вагинова («Гарпагопиана» (1934)) и других писателей. Тема безумия проходит сквозь весь творческий путь Андрея Белого: ее воплощение прослеживается в его поэзии («Золото в лазури» (1903), «Безумец» (1904)), прозе («Рассказ № 2» (1902), «Адам. Записки» (1908), «Петербург» (1913), «Жотик Летаев» (1915), «Записки чудака» (1922)), драматургии («Гибель сенатора (Петербург)» (1924)), критических статьях («Гоголь» (1909), «Трагедия творчества. Достоевский и Толстой» (1911)), мемуарах («Начало века» (1933), «Между двух революций» (1934)) и письмах. Значимость различных аспектов темы сумасшествия в творчестве Белого (мотив галлюцинаций, образ безумца, феномен петербургского безумия) отмечена в работах С. Г. Бочарова [4], Е. Григорьевой [8] и других исследователей.

Неотъемлемой частью художественного образа является категория имени – П. А. Флоренский находил, что имена в литературном произведении являются «средоточными ядрами самих образов», а «каждое имя – свой особый, самозамкнутый мир... всякое имя... непременно действенно» [14, с. 267]. Категория имени – значимый элемент, служащий для раскрытия образа безумца, что находит отражение на различных уровнях мотивной структуры и образной системы художественного произведения: имя и прозвище героя (Поприщин в повести Н. В. Гоголя «Записки сумасшедшего» [6], Сарданапал в драме Н. С. Лескова «Расточитель» [10]), специфическая реакция героя на услышанное имя (Дуня в романе Д. Григорьевича «Переселенцы» [7]), двойник главного героя (Мэри в романе Е. П. Ростопчиной «Счастливая женщина» [12], Фома в романе Л. Н. Андреева «Сашка Жегулев» [1, т. 4]). В данной статье будут рассмотрены особенности реализации мотива безумия в антропониме «Иван Иванович Коробкин» в трилогии А. Белого «Москва».

В романе «Москва» (1926-1930) тема безумия представлена как на сюжетобразующем уровне, так и в рамках социально-философской проблематики. Роман изобилует различными отсылками к указанной теме: упоминается Канатчикова дача, рухнувший блаженный Яша, носители «странных» душевных болезней; особое внимание автор уделяет пограничным состояниям психики героев, прибегает к изображению визуальных и звуковых галлюцинаций.

По сюжету романа профессор Иван Иванович Коробкин оказывается в психиатрической лечебнице после столкновения с Мандро: последний пытался завладеть научным открытием и, не получив желаемого, пытался профессора и выжег ему глаз (из-за пережитого герой частично лишается памяти). Отметим, что персонаж с именем Иван Иванович Коробкин, бывший для автора, по воспоминаниям К. Н. Бугаевой, «самым близким

и дорогим... самым интимным» [5, с. 152], возник в сознании Белого задолго до написания трилогии «Москва». В очерке «Как мы пишем» автор упоминал, что в 1909 году он рассказывал о Коробкине В. И. Иванову. В рассказе Белого «Йог» (1918) Иван Иванович Коробкин был выведен как нелюдимый музейный сотрудник, скрывающийся под маской безупречного работника «мудренейшие упражнения в чисто нравственной сфере» [3, т. 1, с. 379]. В отличие от персонажа рассказа «Йог», Коробкин, герой романа «Москва», – профессор, чьи научные открытия привлекают внимание мировых держав, а сам герой окружен семьей, друзьями и коллегами. От своего предшественника герой романа унаследовал и имя, и идею образа: оба Коробкина стремятся силой разума противостоять хаосу действительности («безумию мира» как комплексу онтологических и философских проблем). Размышляя о тенденциях в литературе начала XX века, Белый отмечал: «Наша жизнь – безумие. Сама наука – только найденный ритм безумия. <...> Хаос души сливается с хаосом жизни, и не один безумец прячется под маской ученого» [2, с. 439].

Анализируя роман «Москва», М. Л. Спивак подчеркивала значимость национальной укорененности героя: «сначала в рассказе, а потом в романе, Белый и выбрал самое русское из всех русских имён – Иван. И чтобы ещё усилить, удвоить “концентрацию” национального, добавил к самому русскому имени самое русское отчество – Иванович» [13, с. 207]. Стоит отметить, что в романе «Петербург» оным Иван автор использовал исключительно для именованья второстепенных персонажей. «Имя, которое было символом безличия, в “Москве” и в “Масках” принадлежит личности, человеку, противопоставленному миру зла, и выделяет его из этого мира, сближая его с миром простых людей» [Там же, с. 202]. Внимание Белого к национальному началу значимо как в рамках смысловой оппозиции «Восток – Запад», так и в контексте фольклорных мотивов. Иван – не только распространённое русское имя, утвердившееся в менталитете как национальное, но и частотное имя героев русских сказок. Е. М. Мелетинский отмечал, что герой волшебной русской сказки традиционно выступает «или в виде Иванушки-дурачка, крестьянского сына, или в виде Иван-царевича» [11, с. 119]. В образе Коробкина сочетаются черты этих фольклорных типов: «московский чудак» именуется и царём науки (дочка Наденька замечает: «Вы, папочка милый, царите в науке» [3, т. 3, с. 340]), и дураком (в клинике Пэпэш-Довлиаш старался «всем доказать, что профессор Коробкин – дурак» [Там же, т. 4, с. 126], но профессор в другой сцене возражает: «Я – Иван: да – не дурень!» [Там же, с. 185].

Для раскрытия темы безумия в романе «Москва» чрезвычайно значима этимология оного «Коробкин». Фамилия героя образована от слова «короб» – с очевидной отсылкой к персонажу гоголевской поэмы «Мертвые души». Белый создает образ человека, фамилия которого символизирует замкнутость героя в себе, его стремление защититься от окружающего хаоса. Раскрытие «короба», преодоление рациональной ясности становится основной идеей развития героя. В данном контексте особенно значима авторская языковая игра: формулировка «открытие Коробкина» означает не только достижение профессора, но получает дополнительное определение – в психиатрической лечебнице происходит «открытие» героя, его духовная эволюция, перерождение. Стоит отметить, что в отличие от профессора прочие обитатели лечебницы являются носителями сложных, семантически не очевидных фамилий (Хэмптауэр, Пупричных, Пантукан, Плечепляткин, Пэпэш-Довлиаш, Тер-Препопанц, Селеги-Седлизна).

В романе представлены два взгляда на проблему лечения душевнобольных. Главврач Пэпэш-Довлиаш – сторонник строгого научного подхода: он лечит сумасшествие с помощью брома, клизмы, физического труда (иными словами, врач стремится вылечить тело пациента и вернуть ему гражданские права). Примечательно, что чрезмерный рационализм доктора сопоставим с взглядами Коробкина на мир до попадания в лечебницу. Стремление Пэпэша-Довлиаша вылечить пациентов доходит до животного вероломства – неслучайно герой наделен многочисленными анималистическими чертами: у него «бараний глаз», он «ястребом» нападает на больных, напоминает «добродушного лося» и «морскую свинью». (Бесчувственность врача, склонность к «работе с телом» с помощью инструментов подчеркивается в сцене, когда герой ест дюшес, снимая с фрукта кожу специальным ножом.) Указанный подход к лечению душевнобольных отражен и в названии лечебницы и самих пациентов: главврач настаивает на том, что в его клинике лечат не душевные, а нервные болезни и интеллект (неслучайно врачи названы в романе «мозголомами»), а сами пациенты сравниваются с баранами, телятами, карасями и обезьянами.

Иного взгляда придерживается фельдшерница Серафима – с помощью созерцания искусства и природы она пытается возродить в пациентах духовное начало (в буквальном смысле лечит душу). Героиня лечит больных с помощью художественных образов: «бред – переводы действительно бывшего на язык образов, очень болезненных; образами излечить надо образы; вправить фантазию в факт» [Там же, с. 127]. Отметим, что образ Серафимы может быть соотнесен с образом сиделки Маши из рассказа и пьесы Л. Н. Андреева «Мысль» [1, т. 1] – в обоих произведениях врачи-психиатры снисходительно и даже критически относятся к их работе, однако и Серафима, и Маша гораздо глубже понимают трагедию вверенных им душевнобольных пациентов. (Любопытна параллель с еще одним андреевским произведением «Призраки» [Там же, т. 2]: главврачи Шевырев и Пэпэш-Довлиаш подчеркнуто проводят вне рабочее время в питейном заведении.)

В книге «Москва» сумасшедший дом соотносится с внутренним миром Коробкина, что подчеркнуто автором в образах открытого окна в палате героя (он к «окну подошел, как зрачок, появившийся в глазе» [3, т. 4, с. 54]) и его собственной головы (точнее – открытой «форточки» в ней). М. Л. Спивак отмечает, что оба Коробкина (герой рассказа и романа) ощущают «слом узких, тесных границ прежнего сознания, и обоим открываются шири сознания духовного, духовные миры. В этом смысле сама фамилия героев является говорящей и производной от “черепной коробки”» [13, с. 206] – в указанном контексте особенно значимо, что первоначально Белый хотел назвать роман «Слом». Ситуация безумия героя, крушение его внутреннего «радио» выражена автором с помощью видоизмененного фразеологизма «без царя в голове» – у Коробкина: «под черепом царь

в голове свержен с трона» [3, т. 4, с. 107]. В данном контексте столкновение в лечебнице научного и духовного познания отражает острый внутренний конфликт героя.

Влияние Серафимы положительно сказывается на Коробкине. Одним из первых эпизодов, символизирующих «открытие» героя, становится услышанная им собственная фамилия и ученое звание – «профессор Коробкин»: «формуляр его ввел в овладение именем, отчеством, званием, рядом заслуг пред наукой» [Там же, с. 116]; «переродившийся» герой не возвращается к своему прежнему облику и статусу – он подобно актеру начинает играть роль «Коробкина», ощущая вместе с тем себя и Морозко, и Королём Лиром.

В романе «Москва» сумасшедший дом становится для Коробкина истинным домом: несмотря на условия, созданные Пэпэш-Довлиашем, герой обретает «сестру» – Серафиму, другие пациенты называют его «братом», «своим» (смысловым двойником героя становится Иван Хампауэр). Душевная болезнь актуализирует в памяти героя образы тех, кто связан в его сознании с домашним бытом (дочь Надя и пес Томка), и придает им своеобразную форму – так, Коробкин, почувствовав заботу, ошибочно называет Серафиму Надей, а в момент припадка представляет себя собакой и, вжившись в образ, начинает защищать лечебницу и пациентов от врачей. Семантика дома достигает своей кульминации в сцене «домашнего» чаепития, устроенного в палате Коробкина.

Иван Иванович Коробкин – один из немногих героев трилогии «Москва», чье имя автор не только сохраняет при общей почти карнавальной смене имён-масок, но и «упрощает», сводит к фольклорному «брату Ивану». В романах «Московский чудак» и «Москва под ударом» герой именуется как «профессор Коробкин», что актуализирует значение его социального статуса и фамилии. А в романе «Маски» героя, уже пережившего тяжкую пытку, сначала называют «профессором Иваном», а вскоре и «братом Иваном», постепенно копируя это обращение из речи брата профессора – Никанора Ивановича. Так подчёркиваются нравственные, общечеловеческие черты в образе героя, формальное уступает место истинному. Трансформация антропонима отражает не только идею, но и эволюцию образа, путь Коробкина от начала разумного, материального, рационального через безумие к началу духовному, надматериальному.

Таким образом, одним из значимых элементов, раскрывающих тему безумия в романе Белого «Москва» становится антропоним. Анализ имени центрального героя, Коробкина, помогает отразить значимые оппозиции романа, актуализировать ведущие мотивы. Так, в нем «Иван Иванович Коробкин» представлена сложная совокупность смыслов: оппозиция хаос – космос в контексте данного образа доведена до предела, что провоцирует помутнение рассудка, которое приводит героя к духовному перерождению.

Список литературы

1. Андреев Л. Н. Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: Худож. лит., 1990-1996. Т. 1: Рассказы 1898-1903 гг. 639 с.; Т. 2: Рассказы, пьесы 1904-1907 гг. 559 с.; Т. 4: Рассказы, Сашка Жегулев, пьесы 1911-1913 гг. 639 с.
2. Белый А. Критика. Эстетика. Теория символизма: в 2-х т. М.: Искусство, 1994. Т. 2. 572 с.
3. Белый А. Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: Терра-книжный клуб, 2005. Т. 1: Серебряный голубь: повесть в семи главах, рассказы разных лет. 400 с.; Т. 3: Москва: Московский чудак. Москва под ударом: Романы. 384 с.; Т. 4: Москва: Маски: роман. 440 с.
4. Бочаров С. Г. Петербургское безумие // Пушкинский сборник / сост. И. Лошилов, И. Сураг. М.: Три квадрата, 2005. С. 305-327.
5. Бугаева К. Н. Воспоминания об Андрее Белом / публ., предисл. и коммент. Дж. Малмстада. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2001. 448 с.
6. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14-ти т. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1938. Т. 3. 758 с.
7. Григорович Д. В. Корабль «Ретвизан»: путевые заметки; Переселенцы: роман. М.: Худож. лит., 1988. 622 с.
8. Григорьева Е. Федор Сологуб в мифе Андрея Белого // Блоковский сборник XV. Тарту: Tartu Uumllikooli Kirjastus, 2000. С. 108-149.
9. Кожевникова Н. А. Язык Андрея Белого. М.: Институт русского языка РАН, 1992. 256 с.
10. Лесков Н. С. Собрание сочинений: в 11-ти т. М.: ГИХЛ, 1957. Т. 1. 495 с.
11. Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки. М. – СПб.: Академия исследований культуры; Традиция, 2005. 242 с.
12. Росточина Е. П. Счастливая женщина. Литературные сочинения / сост., коммент. А. М. Ранчина. М.: Правда, 1991. 448 с.
13. Спивак М. Л. Андрей Белый – мистик и советский писатель. М.: РГГУ, 2006. 577 с.
14. Флоренский П. А. У водораздела мысли. М., 1990. 448 с.

THE ANTHROPONYM AS AN ELEMENT OF THE MADMAN'S IMAGE IN THE NOVEL BY A. BELY "MOSCOW"

Nazarov Ivan Aleksandrovich, Ph. D. in Philology

*M. A. Bulgakov Museum in Moscow
nazarov.postbox@gmail.com*

Kostikina Alina Arkad'evna

*Ostankino Institute of Television and Radio Broadcasting
kostikina-aa@yandex.ru*

The article is devoted to one of the basic motives of Andrei Bely's creative work – the motive of madness. The paper examines the specifics of the author's original interpretation of the madness theme in the anthroponym "Ivan Ivanovich Korobkin" in the novel by A. Bely "Moscow" and the representation of the madhouse image in the social and philosophical aspect. The category of name in A. Bely's novel is a meaningful element, which allows a more detailed description of the hero-madman's image. This phenomenon is represented at different levels of the motive structure and imaginative system of the literary work.

Key words and phrases: anthroponym; category of name; madness phenomenon; madhouse image; creative motive.